

Певец ярославского Арбата

КРУПНЫЙ ПЛАН

Интересно, кого можно назвать истинным ярославцем? Вопрос, согласитесь, вполне своевременный для года 1000-летия одного из древнейших русских городов. После проходившего на днях в Карабихе творческого бенефиса педагога, художника, знатока старины Михаила Савицкого, а до того тет-а-тет с ним пообщавшись, наш корреспондент предлагает свой вариант ответа на такой вопрос.

ЗАГОРЕЛИСЬ ГЛАЗА ПО-МОЛОДОМУ

Он настоящий волгарь-ярославец. И по складу характера, и по отношению к жизни. На свет Божий появился Михаил Савицкий семьдесят лет назад в знаменитейшем роддоме на Волжской набережной, тогда и многие годы позже единственным на весь город. Волга, открытые горизонты, ветер странствий – всё это у него в генах. Он плывал в арктический рейс на ледоколе, ходил по горным тропам Кавказа, Алтая, Тянь-Шаня, Памира. Пять раз защищал честь Ярославля на международных марафонах.

Как подобает старожилу града исторического, Савицкий на дух не принимает ничего «под старину». Его взгляд настроен особым образом – по патине на бронзе, потемневшей олифе «чёрных досок», по милому сердцу облику храмов, крепостных башен, ампирных особнячков ярославского посада, окраинных перекопских улочек и сегодня таких на вид совсем деревенских.

В музеях Михаил Павлович – человек свой, дружит, сотрудничает с ним не красовская «Карабиха», а, например, Российский музей декоративно-прикладного искусства посчитал за честь хранить и показывать его живопись. Когда помоложе был, коллекционировал всерьёз. Имел лучшее в городе собрание ямщицких колоколец. После окончания столичного финансово-экономического института он тридцать пять лет преподавал экономику в химико-механическом техникуме (по выходным вёл там студию – учил ребят смотреть и видеть).

Фото Вячеслава ЮРАСОВА.

Бывали времена, когда зарплаты даже на краски не хватало. На колокольца, шкатулки, медали, открытки с видами городов зарабатывал без отрыва от основной профессии – в шестом цехе шинного завода «катал» покрышки.

Сейчас поостыл, а в душе он, как прежде, – собиратель. Не тот скопидом, что, как пушкинский Скупой, дрожит над сундуками – он хранитель родовой памяти, правды о былом, той, что в вещах и документах – в эпоху Интернета и открытых границ они лучше всего помогают не терять почвы под ногами.

На вечеру в Карабихе Михаил Павлович подвёл нас к выставочному витрину с шкатулками, старинной настольной металлической мелочёвкой «от Савицкого». Взглянул на серебряный отсвет от крышки антикварного сундука, загорелись глаза молодому:

– Техника обработки ни за что не догадаетесь, как назы-

вается. «Мороз по жести!»

Не отказал себе в удовольствии огласить дату выпуска хитро устроенного – Бог весть, обо что там чиркали – спичечного коробка фабрики Дунаева: год 1881-й. Про писчее перо примерно тех же времён дал такую тонкую ремарку: дескать, не простое пёрышко – для левшей.

Свой Ярославль Михаил Савицкий пишет исключительно с натуры. В любую погоду. Однажды при температуре минус 17 отморозил пальцы, еле потом вылечил. Он всегда для него «неизвестный», его любимый город. Вот зима повернула на весну, вчера было пасмурно, сегодня – солнце, и всё новое, совсем другая светотень, другой воздух.

Рассматриваем полный цветных теней пейзаж со Знаменской башней и масленичной куклой, улетающей в небо с надувным шариком. Улицу Кирова в створе с храмом Ильи Пророка и Знаменской надвратной часовней (обе оттуда,

из «золотого века» Ярославля, XVII), Савицкий – друзья подсчитали – только за последние лет десять восславил в разных вариантах восемнадцать раз. Подобной верности одного автора своему выбору могут позавидовать и московский старей Арбат, и прославленный парижский Монмартр.

– На пешеходной Кировской у нас суеты нет, ставь этюдник где хочешь, никому не помешаешь, – раскрывает Михаил Павлович простой секрет этой привязанности. – Там все сюжеты картинные, пространство развёртывается перед глазами из глубины времён, архитектура – за три с половиной столетия. Где ещё такое увидишь?

ЛАСТОЧКА НА КОНВЕРТЕ

Истинный ярославец Михаил Савицкий – и по родительской судьбе. Отец с матерью по совету знающих людей приехали сюда в начале 30-х с Украины. Спасались от «голодо-

мора», погубившего миллионы людей. Разорённый в гражданскую Ярославль, похожий тогда на одну большую стройку, обогрел скитальцев, помог им выжить. Кооперативный «Красный химик» с жильём квартирного типа, Бутусовский посёлок, целый городок с невиданными коммунальными удобствами, их только заселили тогда. Немногие счастливы стали новосёлами, многие и многие до лучших времён жили по коммуналкам и баракам.

Савицких поселили на Божедомке, в заводской конюшне: за стеной действительно держали лошадей, то было основное транспортное средство близлежащего номерного завода, где матушке Михаила доверили револьверный станок. Характер был у неё боевой, под стать названию станка. Однажды директору в глаза высказала всё, что думала про заводские порядки. Её, конечно, тут же уволили. Было и продолжение. Мария Савиц-

кая подала на директора в суд. Редкий случай, заслуживающий внимания историков: дело она выиграла, и на работе её восстановили!

Отец, художник-декоратор Волковского театра, был добродушным рубахой-парнем. Бессребреник от рождения, ничего не делал за деньги. Будучи православным христианином, он этого не скрывал. За свои убеждения отстрадал дважды: при Сталине и при Брежневе.

Обстановку в «инвалидном» лагере Абезь под Воркутой, где начальник был персональной странной – либералом, покровителем муз – описал в «Архипелаге ГУЛАГ» Солженицын. Там умудрялись вести дискуссии, читать друг другу рефераты искусствовед Николай Пунин (один из мужей Анны Ахматовой), профессор Тартуского университета Лев Карсаин, продолжал свои эксперименты с солнечной радиацией основатель гелиобиологии Александр Чижевский.

Павел Савицкий написал в лагере около тысячи портретов. Главная его «привилегия» состояла в том, что мог он получить из дома посылки с красками. Регулярно отправлял письма жене и сыну. Сам оформлял конверты и открытки. Часто на них появлялась, как знак любви и надежды, ласточка с подарочной коробкой в клюве или в свободном полёте с расправленными крыльями.

Вот что сообщал он на Божедомку, на улице Свободы, дом 5: «Слава Богу, жив и здоров. Живу хорошо, только скучаю». Сыну наказывал: «Слушайся маму – она для тебя живёт. Ей очень трудно без меня». Обоих изо всех сил ободрял: «Потерпите ещё немножко. Скоро я приеду и всё улажу». И рисовал вольную ласточку, ну или, как на этом конверте, улыбающегося белого мурведа с бутылкой морса или ситро под мышкой.

Или такое письмо, отправленное уже после реабилитации. «Милостию Божией, – читаем в нём, – я пережил всех тиранов, начиная от Ягоды... у всех был в когтистых лапах. Все они давным-давно стинули, а меня ещё Господь милосердный держит всемогущей своей десницей. Как благонадежно быть с Господом!»

(Окончание на 7-й стр.)

Тевец ярославского Арбата

(Окончание.)

Начало на 1-й стр.)

ЧЕМ ДУХ ПОДДЕРЖИВАЕТ

Те письма каждой запятой стались в сыновней памяти.

— Интерес к жизни и надежда у меня, наверное, от отца, — предположил истинный ярославец. — А говорю, что думаю, так это уж мамино.

Её портрет, сделанный отцом в Абези по фотографии, дома у Михаила Павловича всегда перед глазами. В открытом догуде держит только то, чем дух поддерживает. Образ Тихвинской Богоматери напоминает ему дне рождения сына — 9 июля. Икона «Георгий Победоносец с предстоящими» — подарок президента Ассоциации реставраторов России Савелия Ямщикова: гипсовый оттиск покрыт оливой от «чёрных досок». Изразцы — все из мастерской друга, ещё одного истинного ярославца, реставратора-керамиста Алексея Егорова — это он раскритиковал забытую технологию изготовления поливы, не выгорающей на солнце.

Пращурья Михаила Павловича были крепостными гетмана Скоропадского, того самого, чьё войско сражалось на стороне армии Петра I против шведов в Северной войне. Были они людьми самых мирных профессий — землеустроители, пчеловоды. Градед, «писарь у губернатора Тифлиса Савицкий», упомянут в романе «Как закалялась сталь».

— Выходит, я вовсе не случайно на Северном флоте слу-

**«И не хитрый, ка-
хись, дорожный снаря-
д, не железным схвачен
винтом, а наскоро
живём с одним топо-
ром да долотом снаря-
дил и собрал тебя яро-
славский расторопный
мужик. Не в немецких
ботфортах ямщик: боро-
да да рукавицы, и сидит
черт знает на чём; а прив-
стал, да замахнулся, да
затянул песню — кони
вихрем, спицы в колёсах
смешались в один гла-
дкий круг, только дрогну-
ла дорога, да вскрикнул
в испуге остановивший-
ся пешеход — и вон она
понеслась, понеслась,
понеслась!..».**

Н. В. Гоголь.

жил на крейсере «Александр Невский» в писарях — знак судьбы! — не теряя бодрого расположения духа, продолжает наш собеседник рассказ о своей родословной.

И философское отношение к деньгам, что сомневаться, у него тоже наследственное. В салоне Союза художников член Союза Савицкий на продажу давно ничего не носит. Там в ходу сувенирное искусство — пейзажная миниатюра размером чуть больше открытки. Её, глядя на иностранных туристов, для украшения квартир хорошо покупают и наши. А пейзажист Савицкий, как мы уже заметили, любит воздух, захватить поболь-

ше пространства, вот именно «картинные сюжеты».

Продать что-то сегодня художнику совсем непросто. У Савицкого всё сладилось после того, как его по Интернету нашли сразу две пары супругов-менеджеров с рынком сбыта в столицах. Когда приезжают, цена никогда не обсуждается. Она у Савицкого вчетверо ниже, чем в салонах. Так что стороны ничем не рискуют. С некоторых пор и самому автору стало не жалко расставаться с дорогими сердцу пейзажами просто потому, что удач у него больше стало.

Концовку нашей встречи Михаил Павлович украсил улыбкой. Заговорив на житейские темы, мы не упустили случая побеспокоить хозяина sacramentalным вопросом: без чего свой холодильник считает он пустым?

— Без хрена, — последовал мгновенный ответ.

Не замедлил и с расшифровкой. Объяснил: без этого корнеплода, что редьки не слаще, натёртого собственными руками, просто нормальной жизни не представляет. Выращивает его у себя на даче под Толбухином. Когда запасы иссякают, идёт на Мытный, как по-старинному называется Савицкий крытый Центральный рынок:

— Наплачешься с тёркой в руках и в остальное время уже не даёшь воли слезам ни при каких обстоятельствах.

Спасибо, понятно. Какой же был бы это без фирменного юмора истинный ярославец?

Юлиан НАДЕЖДИН.